

— Тебе не кажется, что это будет не исследование, а пародия на него, какой-то неадекватный водевиль на детективные темы? — проговорил оперуполномоченный Главного управления уголовного розыска полковник Станислав Васильевич Крячко, скептически усмехнулся и пожал плечами.

Старший оперуполномоченный той же конторы полковник Лев Иванович Гуров, до сего момента сдержанно слушавший разговор Станислава с их старым другом, заодно и начальником, генерал-лейтенантом Петром Орловым, иронично улыбнулся.

— Петр, я со Стасом солидарен. Более странного дела нам еще не предлагали, — заявил он. — Может, ты поручишь поиски этого бесценного кота нашим стажерам?

— Нет! — даже не сказал, а свирепо выдохнул Орлов. — Искать будете именно вы! Только вы, и больше никто! Вопрос стоит об интересах всей нашей страны. Понимаете?! Некоторые корифеи сыска слегка зазна-

лись. Они вполне могут, но не хотят видеть дальше собственного носа, пытаются саботировать мое задание. Но я буду не я, если не заставлю их его выполнить. Лева, у тебя же сильнейшая интуиция! Неужели она тебе не подсказывает, что нелепость этого дела — чисто поверхностная, только кажущаяся? В реальности-то все куда серьезнее!

— Ты еще скажи, что это расследование войдет в учебники криминалистики, станет образцом того, как за малым и неприметным скрывалось нечто великое, даже грандиозное! — с утрированной напыщенностью произнес Крячко, потрясая перед собой поднятой ладонью.

— Кстати, ты прав! Именно так все и обстоит. За внешне малым кроется колоссальная глыба негатива! — сердито проговорил генерал, ткнул в сторону Стаса указательным пальцем и укоризненно покачал головой.

Этот летний день для Льва Гурова начался как-то скомканно и даже коряво. Во-первых, он едва не проспал на работу, чего раньше с ним никогда не случалось. Вчера сыщик так набегался по городу, что даже не слышал пилканья будильника, звонок которого был отрегулирован на минимальную громкость. ■ Благо Мария различила сквозь сон назойли-

вый писк электронного комара и толкнула мужа в плечо.

— Лева, с тобой все в порядке? — сонным голосом спросила она.

— Да! — Лев Иванович разом поднялся с кровати и нажал на кнопку выключения будильника, все еще пищущего. — Это я что же, чуть не продрых? Ну, спасибо тебе, радость моя, что не дала проспять! — Он благодарно улыбнулся жене.

Гуров потянулся и во всех деталях вспомнил, что же приключилось вчера. А было такое, что, как говорится, ни в сказке сказать, ни на заборе написать.

Минувшим днем они со Станиславом завершали расследование уголовного дела о хищении из главной библиотеки страны некоего бесценного фолианта. Господа полковники отправились в подмосковный поселок Тимофеево, где планировали уточнить некоторые детали, пусть и мелкие, но весьма существенные. В частности, они предполагали встретиться с двумя ярыми библиофилами, проживающими там, чтобы уточнить, не предлагали ли им воры купить то, что похитили. У Гурова имелись вполне обоснованные подозрения насчет того, что кража фолианта, совершенная шайкой книголюбов, уже попавшейся в их руки, не единственная, а одна из многих. Все остальные сыщикам

еще только предстояло раскрыть. Вся проблема состояла в том, что точных координат библиофилов и даже их имен опера не знали.

Поселок Тимофеево не слишком давно стал маленьким городом, но по своей внутренней сути так и остался большой деревней. Здешние жители запросто могли, как это было показано в одном популярном фильме, высунуться с лоджии и всем домом, с первого по девятый этаж, обсуждать всякие новости.

На это Гуров с Крячко и рассчитывали. Они хорошо знали, что в деревне вечных секретов не бывает. Рано или поздно, но что-то откуда-то обязательно просачивается. Все тайное тут же становится явным.

Опера прогуливались по поселку, остановились у одной девятиэтажной «избы» и стали свидетелями бурного диспута жильцов по поводу состояния системы отопления дома. Как явствовало из пламенных речей новоиспеченных горожан, местные власти обещали поменять магистральные трубы еще весной, сразу по завершении отопительного сезона. Но шла уже середина лета, а там, как говорится, и конь не валялся.

Гуров и Крячко подошли к лоджии первого этажа и поинтересовались у участницы митинга, находившейся там, как бы им найти некоего Гену Переплюя. Но та лишь отмах-

нулась от них и тут же начала свой обличительный монолог по части все той же комму-нальной темы.

Внезапно ее перебил вскрик, донесшийся с лоджии, расположенной на пятом этаже:

— Мужики! Хоть кто-нибудь вмешайтесь. Борька Мурмыгин опять свою Лиду колотит! Хотя бы полицию вызовите! Ведь убьет же он ее прямо сейчас!

— Ага! — откликнулся мужчина с шестого этажа. — Я сейчас пойду с ним драться, а потом Лидка скажет на суде, что никого не звала. Это я сам пришел бить бедную женщину, а Борька ее защищал! Нет уж, хватит! Один раз чуть не сел, больше не хочу!

— Ну, полицию вызовите! — чуть не плача, выкрикнула жительница с пятого этажа.

— Дождешься ты эту полицию! — заявил дед с третьего и саркастично хохотнул. — Это ихнее быстрое реагирование только к вечеру, может, и придет!

— А в каком подъезде, в какой квартире проживают эти Мурмыгины? — показав удостоверение даме с лоджии на первом, спросил Гуров.

— Вы из полиции! — обрадовалась та. — Вот, слева от меня подъезд, третий этаж, квартира двадцать восемь. На двери домофон сломан, можете зайти свободно. Лифт тоже не работает. Наверх только пешком.

Опера побежали на третий этаж. Вскоре они, тяжело дыша и обливаясь потом, оказались у двери двадцать восьмой квартиры и услышали чьи-то отчаянные крики и отзвуки ударов, доносящиеся изнутри.

Гуров решительно нажал на кнопку звонка, и почти сразу же за дверью раздался хриплый голос:

— Кого там черт принес?!

Тут же, почти одновременно с этим, вместе со струями порохового дыма, прямо через дверь вылетели два заряда картечи. По всей лестничной площадке рассыпались мелкие щепки. Благо опера, уже не раз попадавшие в подобные переделки, стояли по бокам от двери и под выстрелы не попали.

— Вот скотина! — свирепо проговорил Стас. — Надо выламывать дверь!

— Она из толстой дубовой доски сработана и открывается наружу. — Лев Иванович досадливо вздохнул. — Ну-ка я попробую.

Он достал пистолет, снял его с предохранителя и три раза выстрелил в то место, где в дверном косяке мог быть расположен стопорный паз дверного замка. Сыщик тут же рванул дверь за ручку и понял, что там есть еще один запор. Он прикинул, где тот может находиться, и выпустил в косяк еще три пули. Его расчет оказался верным. После очередного рывка дверь распахнулась во всю ширину.

Гуров с пистолетом на изготовку одним прыжком влетел в прихожую, на полу которой валялась двустволка, и увидел, что там никого нет. Они со Стасом вбежали в зал, где царил немыслимый кавардак, все было перевернуто вверх дном. На полу валялась зверски избитая женщина с окровавленным лицом.

Первым делом Лев Иванович подбежал к ней, потрогал сонную артерию и с трудом уловил очень слабый пульс. Он быстро набрал номер «Скорой», Гуров представился на тот случай, чтобы лекари не тянули с выездом, и объяснил, куда и по какому поводу надо отправляться.

Тем временем Крячко подбежал к настежь открытому окну и увидел шлейф из простыней, связанных между собой, свисающий почти до самой земли. По нему быстро спускался какой-то мужик. Скорее всего, это и был Борька Мурмыгин. Он спрыгнул на землю, выхватил из кармана пистолет и дважды выстрелил в сторону Стаса. Тот уклонился от выстрелов, тут же снова высунулся из окна и выпустил пару пуль вслед убегающему негодяю. Судя по тому, что тот дернулся и схватился за плечо, одна из них его задела.

Опера вприпрыжку, перемахивая через целые лестничные марши, сломя голову помчались вниз. Выбежав из подъезда, Крячко с пистолетом на изготовку ринулся в ту сторо-

ну, куда убежал Мурмыгин. Гуров на мгновение задержался, крикнул жильцами дома, чтобы до приезда «Скорой» те поднялись к избитой женщине и оказали ей помощь, потом помчался следом.

Догнав Стаса, он на бегу спросил, куда мог направиться беглец.

— Вон впереди за домами гаражный массив! Скорее всего, побежит туда! — шумно дыша и не сбавляя темпа, откликнулся тот.

Сыщики прибавили ходу, выбежали за крайний дом и увидели Борьку, метнувшегося в одну из гаражных улочек. Теперь их положение осложнялось тем, что Мурмыгин, скорее всего, в гаражах был как у себя дома. Здесь он мог спрятаться в любом закутке, устроить им засаду.

Но приятели решили не отступать. Этот тип, как явствовало из того, что сейчас произошло, представлял собой чрезвычайную опасность для тех людей, которые могли оказаться на его пути. Господа полковники с оружием в руках шли по улочке, вдоль сплошных рядов гаражных боксов. Лев Иванович придерживался правой стороны, Стас — левой. Так им было удобнее прикрывать друг друга.

Когда они приблизились к тому месту, где улочка делала зигзаг, из-за поворота к ним неожиданно выбежал крайне напуганный мужчина лет шестидесяти в замасленной спе-

цовке. Опера разом вскинули пистолеты, но тот отчаянно замахал руками.

— Мужики, не стреляйте, прошу вас! — чуть не плача, выкрикнул он. — Этот половумный сейчас убьет моего внука. Он взял его в заложники! Мальчишке всего десять лет. Господи! За что мне такое?

— Успокойтесь! — заявил Гуров и окинул мужчину изучающим взглядом. — Он захватил ребенка и ставит какие-то условия?

— Да, он приказал мне идти к властям и передать, что хочет миллион баксов и вертолет! А то, мол, порежу пацана на куски. Ну и гад! Что делать? Этот псих сказал, что к моему Ване прицепит мину и она сработает через полчаса! Еще заявил, что если заметит какую-то угрозу, то Ваню зарежет или пристрелит!

— Откуда у него мина? — осведомился Крячко и вопросительно прищурился.

— Да у него, говорят, в гараже целый арсенал! — плачущим голосом пояснил мужчина.

— И давно об этом говорят? — поинтересовался Лев Иванович, переглянувшись со Стасом.

— Да, уже давненько.

— Занятный случай. Стало быть, вы тут все знали о том, что у неадекватного гражданина в гараже хранится настоящий арсенал, и не сообщили об этом в полицию. Так получается, да? — возмутился Стас.

— Да это как-то не принято вроде бы. Сту-
качество презирается и осуждается. — Муж-
чина горестно скривился и пожал плечами. —
Если бы я знал, что так обернется...

— Если бы да кабы! — сердито оборвал его
Гуров. — Влупить бы вам всем лет по пять за
укрывательство! Ну и дурость! Что теперь?
Мальчишку надо спасать. Никто не знает,
чего этот психопат еще там надумает, что за
дурь ему в голову ударит. Назови номера га-
ражей, твоего и этого ненормального.

— Мой — сто сорок первый, у него зеле-
ные ворота, на них написано «Каширов», это
моя фамилия. Его — сто сорок седьмой, —
блеющим голосом проговорил мужчина. —
Они покрашены серебрянкой.

— Иди и скажи этому отморозку, что день-
ги и вертолет скоро придут. Ну а пока что
заложником к нему сейчас придет полковник
полиции. Он будет без оружия. А мальчика
пусть этот тип освободит. Давай, иди!

Тот уныло мотнул головой и зашагал об-
ратно.

— Лева, а ты уверен, что это единствен-
но верное решение? — с сомнением в голосе
спросил Станислав. — Может, нашу контору
известим? ФСБ?

— Ага! Давай всех поднимем, вплоть до
ООН! — Лев Иванович саркастично усмех-
нулся. — Перепивший придурок решил пои-

грать в супермена. Видать, американских киношек посмотрелся. Ну что ж, подыграем ему немножко. Мне важно зайти с ним в гараж. Остальное — дело техники.

— А почему это тебе? — Стас выразительно взглянул на Гурова. — Вообще-то лучше бы мне пойти. Не согласен? Добро. Давай ки-нем монету. Орел — я, решка — ты. Идет?

— Ладно, идет, — нехотя согласился Лев Иванович с предложением старинного друга.

Крячко достал из кармана пятирублевку, щелчком подбросил ее вверх, поймал на лету и раскрыл ладонь. Монета лежала вверх гербом.

— Я иду! — Станислав просиял. — Ну и где он там, этот психопат?

Как бы откликаясь на его слова, из-за поворота показался Каширов. Он сообщил сыщикам, что Мурмыгин, в принципе, на обмен согласен, но при двух условиях. Прежде всего полковник, который придет сменить малолетнего заложника, должен будет показать ему свою ксиву, подтвердить, что он действительно тот самый человек, за которого себя выдает. Второе. Прийти этот полковник должен с руками, скованными наручниками за спиной.

Крячко утвердительно кивнул, достал из кармана удостоверение и отдал его Каширову.